

лями, «понеже обоястливый тяжек на вся блага; подвигу прилежати тонкими чувствам полезно...» (495). И здесь идеалы духовные прочно переплетались с «телесным» обликом человека. Восхищаясь подвижничеством «святой» (411) Морозовой, Аввакум подчеркивал: «Персты же рук твоих тонкостны и действенны...» (409),¹⁷ «они же (царские палачи), яко зверие дивии, терзаху на пытке рuce твои, и плоть рваху» (410).

Жизнь Аввакума и его ближайших соратников уже в период их пустозерского заточения стала легендой. Известный писатель раскола Авраамий подчеркивал, что «отец Аввакум воистину апостол Христов есть» «и не усумнися», добавлял он, «еже апостолами нынешних стратотерпцев нарицати, яко, по писанию, святых славнейши и вышши первых мучеников имут быти...».¹⁸ Свои послания «верным» Аввакум и сам не раз начинал свидетельством о своем «апостольском» достоинстве: «Раб и посланник Исус Христов, волею божиею земляной юзник...» (829, 841, 863). Подобное признание современников и подобное самосознание заставляли Аввакума постоянно фиксировать в своих сочинениях те внешние признаки собственного облика и состояния, которые были необходимым свидетельством его «духовного» жития. При этом аскетические идеалы Аввакума и его традиционные представления о христианских подвижниках непосредственно объединялись для него с реальными условиями собственного тюремного быта. Многие святые, писал Аввакум, «трудами своими небо купили» (908). Они «без одежд, наги и без пищи человеческия работали богу, вся земная презреше» (510). В письмах «верным» Аввакум не без гордости говорил о себе: «нагой грешник» (951), «душею и телом обнажився» (244). «Миленькие мои! — рассказывал он. — Я сижу под спудом — тем засыпан. Несть на мне ни нитки, токмо крест с гайтаном, да в руках чотки, чем от бесов боронюся» (809). Предлагая своей семье самого себя как высокий образец мученика за веру, он вешал (1673 г.): «... речено ми ... от образа: возверзи на Господа печаль свою, и Той тя препитает не даст в век молвы праведнику... Потому и рубашку с себя скинул и поверг неимущим. Наг оттоле и донине, — уже три года будет, — да Бог питает мя, и согревает...» (921). А незадолго до этого (1669 г.) в письме к семье еще звучал его человеческий голос: «Три рубахи пришлите. Да и рубахи надобно: часто наг хожу. Да и башмачков нет, какие бы нибудь. Да и ферезишков нет. Да и денженец нет» (915).

Образ жизни своей Аввакум изложил в качестве поучительного образца жития «пророка» (234) в гениальной автобиографии. Образ веры своей он предложил последователям в еретической (с точки зрения церкви) книге «Евангелие вечное». Для представления о нерасторжимом единстве «жития», «веры» и «образа» автора не хватало только его живописного автопортрета. И он не замедлил его сделать: посылая упомянутую обличительно-философскую книгу своему любимому ученику Сергию, Аввакум «себе же самага и Сергия вообразил в тех письмах в лицах.

¹⁷ В этих признаках символизированной внешности Морозовой просвечивали элементы облика богородицы, образ которой, написанный, по преданию, апостолом Лукой, характеризовался в следующих традиционных чертах: «Чело светлепно..., и персты благоприятну руку ея тонкостию истончены...» (Е. С. Овчинникова. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве. — В кн.: Древнерусское искусство, XVII век. Изд. «Наука», М., 1964 (далее: Иосиф Владимиров), стр. 61. Приношу сердечную благодарность Е. С. Овчинниковой за советы и за указание мне этого ценного издания).

¹⁸ Послание Авраамия к христороубу некоему, свидетельство о последнем времени. — Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 161—162.